

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ТАНЦЕВАЛ ДЛЯ ВОЛКОВ

Мелания Вяземская

Мелания Вяземская

Мальчик, который танцевал для волков

<https://litres.ru/74161472>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он видел цвета чужих душ. Он пахнул сиренью. Он танцевал, чтобы выжить.

Серёжу бьют за то, что он другой. Настю не замечают, потому что она молчит. Диму дразнят, потому что он заикается. Они изгой. Они невидимки. Они — дети, которых никто не хочет видеть.

Но они есть. И они танцуют.

Там, где кончается боль, начинается танец. Там, где заканчивается жизнь, начинается свобода. И там, где нас никто не ждёт, нас ждут волки.

Роман о тех, кого не видели. О тех, кто танцевал для волков. О тех, кто нашёл друг друга.

Это книга, после которой хочется танцевать. Даже если больно.

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мальчик, который танцевал для волков

Пролог

Я - тот, кого не видели. Я родился с даром, который люди называют проклятием.

Я не знал этого. Я думал, что все видят мир так же. Что все чувствуют запах страха - кислый, липкий, похожий на прокисшее молоко. Что все различают цвет злости - чёрный с красными вспышками, как угли, которые тлеют и готовы вспыхнуть. Что все слышат, как пахнет одиночество - прозрачным, почти невидимым, как лёд на луже, который трескается под ногами.

Я узнал, что я другой, в пять лет.

Тогда я жил ещё не в детском доме. Тогда у меня была мама. Я плохо помню её лицо - оно стёрлось, как старая фотография на солнце. Но я помню её цвет. Золотисто-розовый, как заря. И запах - сирень. Свежую, майскую, с капельками росы, которые блестят на солнце, как маленькие бриллианты.

Мама пахла сиренью. А ещё - теплом. И безопасностью. Я прижимался к ней, закрывал глаза и знал - ничего плохого

не случится. Пока она рядом.

Мы жили в маленькой комнате с одним окном. Окно выходило во двор, где рос куст сирени. Я помню, как мама открывала окно весной, и запах врывался в комнату, наполняя её до краёв, вытесняя запах дешёвых обоев и старой мебели.

- Смотри, Серёжа, - говорила она. - Сирень зацвела. Значит, скоро лето. Значит, скоро тепло.

Она улыбалась. Её цвет становился ярче, когда она улыбалась. Золотисто-розовый переливался, как перламутр. И тогда мне казалось, что я смотрю на закат. Самый красивый в мире. Я хотел запомнить этот цвет навсегда, сохранить его в маленькой коробочке внутри своей груди, чтобы доставать в холодные ночи и греться.

Я не знал, что греться придётся совсем другим.

Я сидел на подоконнике и смотрел на куст. Мне казалось, что сирень - это мамина душа. Что она цветёт, пока мама жива. Что если однажды сирень засохнет, мама исчезнет. Поэтому я поливал куст тайком по ночам, когда мама спала. Я верил, что моя забота держит её на земле.

Потом она ушла.

Я не помню, как это случилось. Помню только, что однажды утром её не было. Кровать была пустой, холодной, пахла уже не сиренью - пылью и забвением. Окно было закрыто. Сирень за окном всё ещё цвела, но её запах не проникал внутрь. Словно стекло стало толще. Словно мир снаружи и мир внутри разделились навсегда.

Я ждал её три дня.

Сидел на кровати, смотрел на дверь и ждал. Не ел. Не пил. Не спал. Я думал: если я буду очень неподвижным, если я сотру себя из реальности, если я стану прозрачным, как вода, то мама придёт. Ошибка исправится. Всё вернётся.

Она не пришла.

Пришли чужие люди. Тётя в сером пальто - её цвет был мышинным, безликим, равнодушным. Она смотрела на меня как на вещь, которую нужно принять, описать, поставить на полку, забыть до следующей проверки. Дядя с чёрным портфелем - цвет тревожный, жёлто-зелёный, как гнилое яблоко. Они говорили что-то про «временное устройство» и «до выяснения обстоятельств». Я не понял ни слова. Я понял только, что мама не вернётся. Никогда.

Я выбежал во двор. Подбежал к кусту сирени. Обхватил ветки руками, прижался лицом к цветам. Запах был таким же - сладким, густым, маминым. Я вдыхал его жадно, пытаюсь напиться на всю оставшуюся жизнь. Но мамы не было.

- Мама! - закричал я. - Мама, вернись!

Куст молчал. Пчёлы жужжали. Ветер шелестел листьями. Мир продолжал жить, хотя мне казалось, что он должен остановиться. Нельзя, чтобы мир продолжался, когда мама ушла. Небо должно было треснуть. Земля - разверзнуться. Хотя бы один камень - сдвинуться с места.

Ничего не случилось.

Меня увезли в детский дом. Машина пахла бензином и

кожей. Я смотрел в окно и видел, как город исчезает, как появляются поля, потом лес, потом серые здания с колючей проволокой. Колючая проволока была на заборе. Я подумал: здесь тоже тюрьма. Только без решёток.

Я смотрел на небо и искал там её цвет. Золотисто-розовый. Зари.

Небо было серым.

Я не плакал. Слёзы придут позже. Много слёз. Но не сейчас. Сейчас внутри была пустота - серая, тяжёлая, как свинцовое небо перед грозой. И маленький огонёк. Тёплый, живой, который ещё не погас.

Это был танец, который спал внутри. Который проснётся, когда боль станет невыносимой. Который спасёт меня. И погубит.

Глава 1.

В детском доме меня встретила воспитательница Вера Петровна.

Я помню её руки. Сухие, с жёлтыми ногтями, которые вечно что-то записывали - в журнал, в тетрадь, на клочки бумаги. Она держала ручку так, будто та была ей врагом, и её пальцы сжимали её с такой силой, что костяшки белели и становились похожими на камешки. Вера Петровна писала всегда - даже когда не было нужды. Она заполняла пустоту словами, потому что боялась тишины. В тишине она могла бы услышать себя. Или нас.

Её цвет был болотным - серо-зелёным, с тёмными прожилками, которые пульсировали, как вены. Я видел этот цвет сразу, как только она открыла дверь. Он обволакивал её, как туман, и делал размытой, нечёткой. Она была здесь, но как будто её не было. Она была как дождь, который идёт, но не мочит. Как ветер, который дует, но не касается. Как забор, который стоит, но не защищает.

- Фамилия? - спросила она, не поднимая глаз от журнала. Её голос был плоским, без интонаций - как лист бумаги, на котором ещё ничего не написали. Или, наоборот, стёрли всё до последней буквы.

- Васнецов, - ответил я. Мне помогли запомнить это слово в машине. Оно было твёрдым, как камень. Не таким, как

«мама». «Мама» было мягким, круглым, тёплым, как шерстяной шарф. «Васнецов» было колючим, неудобным, чужим.

- Имя?

- Серёжа.

- Возраст?

- Пять.

- Знаешь буквы?

- Нет.

- Научишься, - сказала она и повела меня в спальню. По дороге она объясняла правила, но я не слушал. Я смотрел на стены. Стены были серыми. Как небо. Как её цвет. Как всё, что меня окружало теперь.

Правила были простыми и жестокими, как всё в этом мире: не бегать, не кричать, не драться, слушаться воспитателей, ходить строем, есть всё, что дают, спать по команде. Спать по команде - я запомнил это особенно хорошо. «Пять лет - все спят», «Восемь лет - все спят», «Десять лет - все спят». Спать, даже когда не хочется. Спать, когда внутри всё кричит. Спать, чтобы не видеть. Спать, чтобы не чувствовать. Спать, чтобы стать таким же серым, как стены.

Я не спал. Никогда. Я лежал с закрытыми глазами и смотрел в темноту. Темнота была живой. Она дышала. Она смотрела на меня и знала все мои секреты. Темнота не била. Она просто была. Как стена. Как забор. Как молчание.

Я научился смотреть в темноту и видеть цвета.

Я не знал тогда, что это называется иначе - аурой, эмпатией, даром. Для меня это было просто. Как видеть, что небо голубое, а трава зелёная. Только я видел больше. Я видел, что Колян - чёрный с красными вспышками. Что Дима - бледно-серый, почти прозрачный, как призрак. Что воспитательница Надежда Ивановна - жёлто-коричневая, цвета засохшей горчицы. Что повар тётя Зина - розовая, как варёная колбаса.

Цвета были везде. Они жили своей жизнью - менялись, пульсировали, бледнели, вспыхивали. Я не мог их не видеть. Они были громче слов. Они были честнее лиц. Они никогда не врал.

Но я научился молчать о них. Потому что, если бы я сказал: «Вера Петровна, вы сегодня серо-зелёная, как болото», - меня бы отправили к врачу. Или в психушку. Или ещё куда-нибудь, где бьют сильнее, чем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.